

A painting of a woman's face, looking directly at the viewer. She has pale skin, dark, thick eyebrows, and striking green eyes. Her lips are painted a vibrant red. She is wearing a dark, possibly black, headscarf or shawl. The background is a bright, saturated red, decorated with small, stylized yellow and green floral motifs. The overall style is expressive and somewhat abstract, with visible brushstrokes and a focus on color and form.

Сельма Хорт

ЦАРСКАЯ
ДОЧЬ

Истории в истории

Сельма Норт
Царская дочь

«Самокат»

2020

Норт С.

Царская дочь / С. Норт — «Самокат», 2020 — (Истории в истории)

ISBN 978-5-00167-368-2

В этом увлекательном романе библейская притча переплетается с рассказом о Зиссель, незаконнорожденной дочери простой девушки Лидии и царя Соломона. Немая от рождения, Зиссель слышит и понимает всё. И в ночь, когда на свет появляется её младший брат, Зиссель невольно становится свидетельницей немыслимого заговора. Так она отправляется ко двору царя Соломона – мудрого, но жестокого и развратного правителя. Никто, в том числе и сам Соломон, не знает об истинном происхождении Зиссель. Но её выдает цвет глаз.

ISBN 978-5-00167-368-2

© Норт С., 2020

© Самокат, 2020

Содержание

Неизвестная история	6
Известная история	7
Часть I	8
До рождения Зиссель	8
Как Зиссель в отцы достался старик	11
Как Зиссель нашла Иавина	13
Как Иавин стал братом Зиссель	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сельма Норт

Царская дочь

Koningskind © text Selma Noort, Uitgeverij Leopold, 2020

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, transmitted, broadcast or stored in an information retrieval system in any form or by any means, graphic, electronic, digital or mechanical, including photocopying, taping and recording, without prior written permission from Publisher.

© Лейченко И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

В этом увлекательном романе библейская притча переплетается с рассказом о Зиссель, незаконнорожденной дочери простой девушки Лидии и царя Соломона. Немая от рождения, Зиссель слышит и понимает всё. И в ночь, когда на свет появляется ее младший брат, Зиссель невольно становится свидетельницей немыслимого заговора. Так она отправляется ко двору царя Соломона – мудрого, но жестокого и развратного правителя. Никто, в том числе и сам Соломон, не знает об истинном происхождении Зиссель. Но ее выдает цвет глаз.

Сельма Норт (род. 1960) – нидерландская писательница и автор детских книг. За свой вклад в литературу Сельма Норт получила множество престижных литературных наград, включая премию имени Теи Бекман за лучшую историческую детскую книгу 2016 года и две премии «Серебряный грифель».

Неизвестная история

Лидии было пятнадцать. Она стояла по пояс в воде, чтобы хищники не почуяли запаха ее крови. Когда после многочасовых мук неудержимая сила вытолкнула из нее ребенка, Лидия увидела, что это девочка с короткой левой рукой и скрюченной кистью, на которой недоставало двух пальцев.

Неподалеку в поле, задрав морды к небу, выли шакалы. У реки шелестели листвой на ночном ветерке тополя. Глухо ухали совы. А Лидия все смотрела на ручку младенца и думала, что ей с устали померещилось. Пошатываясь, она добралась до берега, выкарабкалась на сушу, протерла глаза и взглянула еще раз. И еще.

Ей не померещилось.

– Ох, малышка! Ну, тише, тише, – прошептала она, прикладывая мокрую девочку к груди. Лидия решила дать ей имя Зиссель – «сладкая», потому что та родилась в чистой пресной воде источников, которые, словно дар божий, чуть поодаль пробивались из-под земли.

Позже Лидия не раз спрашивала себя: быть может, она и виновата в том, что Зиссель не разговаривает? Сама же нашептывала ей тогда: «Тише, тише».

Ибо слышать Зиссель слышала, но говорить не могла.

Известная история

Страной, что зовется ныне Израилем, правил некогда царь, о котором шла слава как о великом мудреце и человеке, обласканном своим богом. Имя ему было Соломон. Дворец его стоял в граде Сионе, и царь приказал построить там храм, столь огромный и роскошный, что предания о нем по сию пору передаются из уст в уста. Как у всех царей в те времена, было у Соломона множество жен, и жили они у него во дворце. И все же, объезжая свои владения, навещался он и к простым женщинам и девушкам. Дальнейшая участь этих женщин – и рождавшихся у них детей – царя нисколько не занимала. Не ведал он и о том, что пятнадцатилетняя Лидия родила от него дочь с короткой левой рукой и искривленной кистью без указательного и среднего пальцев. Лишь изредка позволял великий царь докладывать себе о сыновьях, что после его странствий появлялись на свет среди сдавленных криков боли, слез и проклятий.

От сыновей была польза: вновь и вновь сеять семя от царского семени и тем приумножать достославную мудрость Соломона. Знать своих незаконнорожденных отпрысков он не желал. Ему довольно было, что те, в ком текла его кровь, жили, работали в поте лица, сражались, занимались любовью и обзаводились потомством повсюду, до самых границ его царства.

Ибо это делало его в каком-то смысле бессмертным.

Часть I

До рождения Зиссель

Пусть Лидия и была еще совсем юной, она умела заставить себя уважать. Даже царь не забыл ее: когда он «почтил» ее высочайшим визитом, та, словно загнанная волчица, вцепилась зубами в его руку. Когда он вышел из дома Лидии к придворным, которые, позевывая, дожидались его в конце горбатого переулка под выцветшим запыленным балдахином, рана все еще кровоточила. Рыча от гнева, он отмахнулся от предложенного ему паланкина, вскочил на одного из своих скакунов и умчался с развевающимися на ветру волосами и прямой спиной, дабы все знали: ни одна женщина, кусачая или нет, не способна умалить его мужественности.

Никто не смыл с порога капли царской крови. Они впитались в пористый камень, запеклись на солнце, превратились в черные пятна, и никакая щетка, ничья, даже самая усердная, рука не смогли бы их оттереть.

Вся деревня видела, что царь побывал в доме родителей Лидии, вся деревня знала, что произошло с девушкой. Черные пятна на пороге заклеямили дом, и в конце концов Лидия решилась: закинула за спину узел с самым необходимым, прицепила к поясу кухонный нож да захватила крепкую палку – защищаться от диких зверей – и ушла.

Вскоре после этого ее мать умерла.

От стыда – злословили в деревне, но на самом деле от сыпного тифа: подхватила от сестры, когда та пришла ее утешить.

В ночь после похорон отец Лидии отправился на поиски своего старшего брата, когда-то ушедшего с кочевниками в пустыню, – надеялся обрести хоть какую-то семью, лишившись жены и дочери.

Спустя несколько недель из брошенного дома пропали кувшин, масляная лампа и ковер в цветистых узорах. За ними растащили и остальное. Через запятнанный порог поползли сорняки, пробрались скорпионы и сколопендры, и со временем от стен, где Лидию баюкали и лелеяли, остались одни руины.

Когда Лидия покинула дом, она уже восемь месяцев носила под сердцем ребенка. У нее были сильные руки, сильные ноги и сильный характер. С вечера до утра шла она за луной, а днем таилась от людей, что могли ее заневолить.

Голодного шакала, бросившегося на нее, когда она после пары ночей пути склонилась к воде попить, Лидия ударила по голове с такой силой, что он рухнул замертво – морда так и застыла в оскале. Девушка оттащила зверя от воды, содрала клоч шкуры и зажарила на костре кусок мяса. Остатки расхватали стервятники.

Она ела смоквы, клубни фенхеля, съедобные травы, кузнечиков и сладкие плоды кактуса, и все шагала за луной. Много ночей миновало, когда на рассвете Лидия вышла к месту столь чудесному, столь зеленому и мирному, что она опустила на колени, раскинула руки и рассмеялась. Прохладные брызги окропляли ее лицо и руки, вокруг из-под земли сочились и била, пенясь, прозрачная вода. Сверкая на солнце, влага собиралась в журчащие водопады и порог за порогом спускалась по склону к подножью горы, где струилась извилистой речушкой меж двумя селениями.

В одной из заводей Лидия вымылась с головы до пят и постирала одежду, отскоблив ее на большом валуне, где, к ее восхищенному изумлению, поблескивали зернышки кварца. Вокруг пели птицы, квакали лягушки, стрекотали сверчки. Казалось, она попала в рай – тот чудесный безмятежный сад, о котором мать, бывало, рассказывала, когда Лидии не спалось. Девушка прилегла отдохнуть в тени и задумалась о матери. Представила себе ее, отца, родной дом. Мать

стоит на пороге и в ожидании дочери вглядывается вдаль. Отец после всех событий только сильнее горбится да молчит больше обычного. Впервые с тех пор, как она ушла из дому, Лидия позволила себе погрузиться в мысли о том, как, должно быть, тревожатся о ней родители, и разрыдалась – взяли свое изнеможение и горечь из-за всего, что с нею стряслось.

Когда солнце поднялось выше, а тени стали короче, до ее слуха донеслись чьи-то голоса. Лидия подхватила одежду, разложенную на траве для просушки, и притаилась в тростнике. По склону, играя и крича, взбежали дети, а за ними неспешно поднялись женщины, молодые и пожилые, ведя на поводу ишаков. Они беседовали не тихо и робко, как женщины в ее родном селении, нет! Они шумно перекрикивались, смеялись громко и не таясь. Чтобы не замутить питьевую воду, женщины вымылись сами и выкупали детей ниже по течению. Затем выстирали одежду и, как Лидия, разложили ее на траве, одновременно приглядывая за детьми, чтобы те не приближались к водопадам. Закончив работу и обменявшись всевозможными новостями, они наполнили водой бурдюки из козлиной кожи, собрали постиранное и, напевая, зашагали вниз.

Мужчины у водопадов не появлялись.

Впрочем, нет. Когда женщины наконец скрылись из виду, пришел один. С длинной седой бородой и согбенной спиной. Его запыленные ноги были перевиты венами, руки дрожали. В надвигающихся сумерках он подставил под струи бурдюк, жадно напился и снова набрал воды до краев. Затем спустился ниже по течению, разделся и принялся мыть исхудалое тело. Спина его была исполосована глубокими шрамами, какие оставляет после себя кнут.

День клонился к вечеру. Старик оделся и со вздохом перекинул бурдюк через плечо. Лицо у него было спокойное, с темными, почти черными глазами и горбатым носом, от которого к уголкам рта расходились глубокие борозды.

Лидия вышла из укрытия.

Старик испуганно отпрянул.

Чтобы успокоить его, она тут же склонила голову и смиренно поздоровалась.

Поняв, что опасность ему не грозит, старик выжидающе посмотрел на девушку и кивнул в знак приветствия.

Обнадеженная, Лидия почтительно спросила:

– Неужели, отец, нет у тебя женщины, что носит тебе воду?

Старик посмотрел ей в лицо. По ее речи он понял, что девушка явилась сюда издалека, а глаза поведали ему, что она молода и прекрасна и вот-вот родит.

– Нет, – ответил он. – Жены моей давно уж нет на свете, а дочь умерла четыре луны назад.

– Я могу носить тебе воду. Могу готовить тебе. Могу держать твой дом в чистоте.

В своем голосе Лидия различила мольбу.

Услышал это и согбенный старец. Он стоял недвижно. С бороды капала вода. Хитон лип к мокрой спине.

Лидия подошла к нему и взяла бурдюк из его трясущихся рук.

– Я могу стать тебе дочерью, отец.

– Люди осудят нас, девочка из дальнего края.

Лидия знала, что он прав.

– Я могу стать тебе женой, – прошептала она.

Старик устал, жизнь сломала его. Он так и стоял, ошеломленный неожиданным предложением этой девочки разделить с ним жизнь и принести с собой ребенка. Ему вспомнился смех дочери, когда она была такой маленькой, что сидела у него на коленях и дергала его за бороду, вспомнилось, как легко было у него на сердце, как счастлив он тогда был. Сколько же с тех пор прошло лет!

Он посмотрел на Лидию.

Из-за деревьев к реке подкралась тьма, дневные звуки затихли. В кустах зашуршало, и оттуда, похрюкивая, вышел дикобраз. Люди глянули на него, но не сдвинулись с места.

Зачем он, старик, понадобился этой молодой девушке?

Ответ был очевиден.

Он может дать ей то, в чем она больше всего нуждается. Крышу над головой. Возможность выжить. Ее ребенку – шанс вырасти в безопасном месте. Защиту. Он коротко кивнул.

– Пойдем.

Старец повернулся и зашагал по тропинке. Лидия двинулась следом, изо всех сил стараясь не расплескать ни капли, хотя руки ее дрожали ничуть не меньше, чем его.

Как Зиссель в отцы достался старик

В речной долине у подножья горы, в которой брали начало источники, по обоим берегам стояли глинобитные домишки с земляным полом и мастерские. Один берег плавно переходил в бескрайнюю холмистую даль, а другой почти сразу упирался в каменистую подошву другой горы. Вот и прозвали люди один берег Низким, а второй – Высоким.

На Низком берегу ловили рыбу и засеивали пологие склоны холмов зерном. Местные жители держали скот и ухаживали за фруктовыми деревьями.

На Высоком берегу в оливковых рощах собирали обильный урожай и отжимали душистое масло, а за стены тамошней каменоломни, извиваясь, цеплялись виноградные лозы.

Но ничего этого Лидия не увидела: уже почти стемнело, и они со стариком недалеко ушли от источников. Они остановились у небольшого селения на склоне горы, на самом краю которого у тропинки мостилась хижина старика. У входа лежала, медленно жуя, белая козочка с бородкой. Когда Лидия вслед за согбенным старцем переступила порог, та проводила ее взглядом.

Войдя, Лидия опорожнила бурдюк в кувшин, чтобы вода оставалась прохладной, повесила пустой бурдюк на стену, осторожно распрямила спину и осмотрелась. У очага, на котором стоит горшок, – две табуретки. Под потолком сушатся связки лука, чеснока и трав. Подле очага – плоский шлифованный камень, на нем миска. На стене висят верши и масляная лампа, в углу ложе, сплетенное из ветвей ивы и устланное соломой, а на нем – два покрывала из грубого льна и звериные шкуры.

Согбенный старец живет не в грязной лачуге и, судя по всему, вполне может сам о себе позаботиться. Или кто-то заботится о нем. «Женщина», – подумала Лидия, заметив птичьи перья и глиняные бусины, которые кто-то нанизал на льняную нить и повесил в качестве украшения.

Старик поймал ее взгляд.

– То моя дочь смастерила, перед смертью, – объяснил он. – Но ты садись. Как твое имя?

– Лидия, – ответила девушка. – А твое, отец? Как кличут тебя? – Она опустила на табуретку.

– Каменотесом.

Каменотес разлил по деревянным площадкам суп. Руки его дрожали, пара капель упала на пол. Чтобы не обидеть его, Лидия притворилась, что не заметила. Одна площадка была простой, без украшений. На другой была вырезана кувшинка, ее-то старик и протянул Лидии.

Эта площадка когда-то принадлежала его дочери, поняла она.

Лидия заснула. Не беспокойным сном, как во время бегства, когда она лишь слегка дремала в тени кустарника, а глубоко, провалившись в сон, как в бездонную, безмолвную пропасть, не успев толком осмотреться и понять, где и как ей теперь предстоит жить.

Когда она наконец проснулась, в доме по-прежнему царил полумрак. Каменотеса не было. В очаге потрескивало пламя, пахло жареным мясом, на плоском камне стояли две деревянные площадки.

Лидия села и сложила руки на своем круглом, как шар, животе, в котором потягивалось царское дитя.

Закрывавшая вход циновка откинулась, и Каменотес вошел в дом. Увидев, что Лидия проснулась, он кивнул ей.

– Поедим, – сказал он. – Ты, должно быть, голодна – вон как спала, целую ночь и целый день.

Когда они наелись и утерли рот тыльной стороной ладони, Каменотес спросил:

– Где же отец твоего ребенка?

Лидия закусила губу, опустила глаза и сложила руки на животе.

– Я не хотела... – запинаясь, ответила она. – Отец с матерью пытались остановить его...

– Царя?

– Да, Каменотес. Царя.

Старик поднялся и подошел к нише, которая находилась в таком темном углу, что Лидия ее еще не заметила. Откинув обрывок кожи, служивший занавеской, он вытащил из ниши сундучок.

Лидия не отрывала от него взгляда. Каменотес снова сел рядом и поставил сундучок себе на колени. Он хотел было что-то сказать, но не смог. Его губы дрожали, и Лидия с испугом увидела, что по глубоким морщинам к бороде покатались слезы. Руки его тряслись так сильно, что, протягивая Лидии сундучок, старик чуть не выронил свой груз. Девушка едва успела его подхватить. Она утвердила сундучок перед животом и, дождавшись кивка Каменотеса, откинула крышку.

Внутри на невысокой стопке тонкотканых простыней – в такие пеленают младенцев – лежал костяной гребень.

Хрипло, прерывисто Каменотес заговорил:

– Моя дочь умерла, рожая царское дитя, а с ней умер и младенец. Займи ее место, Лидия. Живи, и пусть живет и твой ребенок. Займи место моей дочери и знай: когда дням моим придет конец, все, что у меня есть, станет твоим.

Во всем Соломоновом царстве не сыскать было того, кто не осудил бы женщину, которая просто так поселилась в доме чужого мужчины. Вот и пришлось Каменотесу жениться на Лидии. Соседи приняли девушку, ведь она носила дитя Соломона, а царь не раз одаривал своими визитами женщин на Низком и Высоком Берегу. Все знали, какой ужасной смертью умерла дочь Каменотеса и выношенный ею царский плод, и жалели одинокого старика. Люди только радовались за Каменотеса, за которым теперь было кому приглядеть, и за Лидию, у которой появились защитник и крыша над головой.

Девушку на время поселили у соседей – у плетельщика циновок и его жены. Начались приготовления к свадьбе. Закололи козла. Крышу хижины Каменотеса заново перестелили пальмовыми листьями, а вход украсили ветвями и цветами. В день бракосочетания соседские женщины искупали Лидию и вплели ей в волосы цветы. Вся деревня пела и ликовала, ела, пила и плясала. Вернувшись в дом, Каменотес, одурманенный сладким вином, уснул, едва дойдя до кровати.

Дождавшись, пока заснут соседи, Лидия осторожно спустилась к заводам. Там, в прохладной воде, в которой отражалась полная луна, и родилась Зиссель.

Как Зиссель нашла Иавина

Как-то раз, много лет спустя, когда темные волнистые волосы Зиссель отросли так, что на них можно было сидеть, отправилась она к реке за травами – там на влажной почве хорошо росли укроп, фенхель и мята. Вдруг внимание девочки привлек какой-то слабый звук.

Она остановилась и огляделась. На первый взгляд все было как всегда. Вредный одногорбый верблюд, принадлежавший шуруину плетельщика, стоял на привязи на соседском дворе и косился на нее, размеренно что-то пережевывая. У ее ног юркнула ящерица, такая легкая и быстрая, что ее лапки едва касались горячей земли. Громко и жалобно ревели два ишака, не поделив место в тени высокого тонкого кактуса.

Зиссель внимательно прислушалась.

Звук доносился из кустов ежевики. Трудно было поверить, что кто-то решил спрятаться там, в колючих зарослях. Должно быть, этот кто-то попал в беду и был на грани отчаяния – ну кто в здравом уме полезет туда, где полно змей, сороконожек да ядовитых пауков?

Зиссель оглянулась. Вокруг – ни души. Солнце стояло высоко на небе: люди и звери удалились в тень, чтобы отдохнуть. Но не Зиссель. Из-за своей короткой руки она избегала людей и их косых взглядов. И маленьких детей, что кричали ей вслед: «Птичья лапка! Молчунья! Царская дочка!»

Зиссель любила ходить на речку одна. Но в кустах сидел человек, который попал в беду, и пройти мимо она не могла.

Она снова огляделась, потом легла на живот и всмотрелась в путаницу веток. Когда глаза привыкли к тени, в самом сердце зарослей проступил темный силуэт сжавшегося в комок ребенка. Опираясь на локти, Зиссель подползла чуть ближе, но ребенок вдруг зарычал, как дикий зверь, дернул ветку, и колючки царапнули девочку по щеке.

Она испуганно отползла и, зажав щеку рукой, побежала домой. Лидию она не застала. Каменотес ушел на луг пасти Беляшку, дочку той самой козы, что лежала у входа, когда Лидия впервые переступила порог его дома. Зиссель смыла кровь с руки и щеки, взяла с полки свою плоску с вырезанной на ней птичкой, налила в нее воды и обвела глазами комнату. У стены стоял высокий суковатый посох, с которым Лидия пришла в здешние места, когда она, Зиссель, еще сидела у нее в животе.

Девочка схватила посох и выскользнула из дома.

Зиссель медленно протолкнула плоску посохом между ветвями ежевики. Плоска то и дело наткалась на бугорки, и вода переливалась через край. Зиссель продолжала толкать, следя за тем, чтобы рука не запуталась в ветвях. Ей совершенно не хотелось, чтобы ее укусили, и, если этот ребенок тоже хочет жить, пусть лучше поскорее вылезает оттуда. Из гущи ветвей высунулась темная рука и схватила плоску.

Ребенок сделал пару глотков, а потом залпом выпил все до капли.

Зиссель снова подцепила плоску посохом, вытянула ее обратно и решительным жестом поманила ребенка.

Уж теперь-то должно быть ясно, что она не сделает ему ничего плохого, что хочет помочь? Но он не двигался с места.

Тогда Зиссель встала, подобрала с земли камень и швырнула его в кусты. Ребенок ойкнул от боли и выполз наружу.

Мальчик, тут же заметила Зиссель: на нем не было даже набедренной повязки. Почти одного с ней роста и такой тощий, что можно пересчитать все кости под темной кожей. Из-под черных кудрей к уху змейкой струилась кровь из свежей раны, кровили и ссадины на руках. На животе гноилась здоровенная ссадина, а спина и ягодицы распухли от укусов насекомых...

Выглядел он так, будто лежал там, в зарослях, и ждал, когда какой-нибудь скорпион наконец смилостивится и ужалит его.

Зиссель еще ни разу не видела человеческое дитя в таком жалком состоянии. Она едва не передернулась от отвращения, но сдержалась, шагнула к мальчику и протянула руку.

Мальчик испуганно отпрянул. Его тонкие, как палочки, ноги, тряслись, он чуть не падал, но, сделай она еще один шаг, кинулся бы наутек.

Зиссель притворилась, будто что-то услышала, задрала голову и показала пальцем на небо. Мальчик поддался на хитрость и тоже взглянул вверх.

Одного мига оказалось достаточно. Она подскочила к нему, схватила за руки-палочки и сжала сильно-сильно, чтобы тот не вырвался. Мальчик все-таки попытался, но слабо и без особой охоты. А потом обмяк и рухнул на землю.

Зиссель подхватила его под мышки и потащила домой. Весил мальчик ненамного больше полного бурдюка. От него пахло потом, испражнениями и кровью.

И еще – смертным страхом и нечеловеческими страданиями.

Лидия дала ежевичному мальчику имя Иавин.

Зиссель всякий раз внимательно наблюдала за тем, как мать ухаживает за его ранами и, тихо напевая, гладит его по щеке.

– Здесь тебе ничто не грозит. Ты у добрых людей. Спи и забудь все, что с тобой приключилось.

Каменотес поставил для Иавина кровать рядом со своей, но у стены. Если мальчику вдруг вздумается сбежать посреди ночи, ему придется сначала перелезть через них с Лидией.

Но Иавин и не пытался сбежать, он только спал и спал. Во сне он крутился и ворочался, иногда ему снились кошмары, и он кричал от ужаса, пинался и просыпался весь в поту. Тогда Лидия успокаивала его, и он затихал и засыпал снова.

Днем, просыпаясь, он пил молоко Беляшки и съедал немного каши и тертых фруктов. Что бы Лидия ни делала, он неотрывно следил за ней взглядом.

Только когда у Иавина появились силы сидеть, он стал с любопытством рассматривать свое новое жилище. И Зиссель.

Зиссель мастерила соломенных человечков и заставляла их плясать перед ним. Корчила смешные рожицы. Щекотала себя перышком под носом и притворно чихала, чтобы развеселить Иавина.

Однажды она хотела было пощекотать перышком его, но Каменотес вовремя ее остановил:

– Осторожно, Зиссель! Если он чихнет, раны снова откроются.

Зиссель испугалась. Спина Каменотеса была исполосована шрамами от ударов кнута. Память о боли запечатлелась в каждой складке его лица. Он знал, о чем говорит.

Девочка вопросительно посмотрела на него и очертила в воздухе дугу.

– Две полные луны – и раны на его теле совсем затянутся, – ответил Каменотес. – О душе я ничего сказать не могу. Кто-то причинил ему много боли. Такие испытания ломают человека, память о них и страх останутся с ним навсегда. Взгляни хотя бы на Берла.

Берл был младшим сыном плетельщика. Его забрали на стройку царского храма, где он трудился носильщиком камней, и вернулся он из Сиона, помрачившись рассудком и дрожа от страха, как малое дитя.

Зиссель кивнула и с беспокойством посмотрела на Иавина. Тот переводил взгляд со рта Каменотеса на ее лицо и обратно.

– Похоже, он начинает нас понимать, – заметил Каменотес.

Зиссель кивнула. Что-то, а жесты ее Иавин и вправду начал распознавать: утром, когда она спросила, не хочет ли он пить, он повторил ее знак и кивнул.

Как Иавин стал братом Зиссель

Лидия и Каменотес разговаривали с Иавином. Когда по ночам его будили кошмары, Лидия тихонько пела ему. Руки Зиссель – сильная правая и короткая левая – порхали перед ним, рассказывая истории.

Эти руки завораживали его. Но, в отличие от соседских детей и работников в поле, он не тарачился на птичью лапку Зиссель. Нет, он понимал: девочка с ним разговаривает, и не сводил с нее взгляда.

Однажды Иавин с торжествующей улыбкой сказал на языке жестов:

Хочу пить. Можно мне молока?

Он все чаще садился в кровати. Он начал поправляться. Он все-таки хотел жить.

Когда раны Иавина зажили, его тело покрылось розовыми шрамами. Днем он стал выходить на двор вместе с козой, Беляшкой. Поначалу просто лежал рядом с ней на солнце. Когда становилось жарко, уходил с ней за дом и спал, обняв ее и прижавшись щекой к ее боку. Беляшка словно по-матерински утешала его. Да и сама коза, похоже, привязалась к мальчику: время от времени она благосклонно посматривала на него желтыми глазами, блеяла что-то свое и снова принималась невозмутимо жевать.

Когда Иавин поднабрался сил и заскучал от безделья, Зиссель стала брать его с собой на реку. Он был года на два младше, но одного с ней роста. Худющий, как пастуший посох, ходил он пока с трудом. Соседи, уже прознавшие, что Лидия взяла в дом беглого раба, с любопытством посматривали на Иавина и, как только Зиссель с мальчиком исчезали из виду, принимались чесать языками.

Иавин оказался отличным пловцом и с радостью окунался в прохладную воду водопада, бежавшую от порога к порогу. Он нырял с больших камней, долго плавал под водой, как рыба, и, фыркая и отплеываясь, выныривал совсем в другом месте. Зиссель сидела в тени и приглядывала за ним. Она тоже любила плавать, но, с тех пор как ее тело начало меняться, стеснялась это делать. Она вдруг осознала, что повзрослела и отныне ей полагается не играть, а работать или помогать матери и Каменотесу.

Теперь, в сопровождении Иавина, Зиссель чаще показывалась на улице, когда там играли и другие дети. А те глазели на мальчика и забывали дразнить ее. Однажды, когда небо уже окрасилось предвечерним заревом и воздух наполнился ароматами фенхеля и укропа, хотя потрескавшаяся земля по-дневному обжигала ноги, на склон у водопада взобралась группа мальчишек. В руках у них были копыя, палки, пращи и костяные ножи. Заметив возвращавшихся после купания Зиссель и Иавина, они остановились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.